ВАСИЛИЙ КОКОРИН

Василий Кокорин в 1927 г. — слепой старик 81 года д. Кевролы, околка Харитонова Карпогорского района. Жил бобылем вместе с другим таким же одиноким слепым стариком. От него в 1900 г. А. Д. Григорьевым были записаны былины «Козарин» и «Встреча Ильи Муромца со станичниками» (Григ., I, 205—206), которые Кокорин знал от стариков еще с молодых лет. Больше Кокорин ничего Григорьеву не спел и не рассказал, отзываясь незнанием. В молодости же он славился как песенник. См. заметку о нем собирателя (Григ., I, стр. 596).

Кокорин вспомнил, как Григорьев «списывал» и ночевал у него. Он тотчас же начал мне сказывать про Илью Муромца, но ничего уже твердо не помнил, давал какие–то отрывки, потом добавлял, так что записывать оказалось чрезвычайно трудно. Сюжет об исцелении Ильи передал прозой. Кроме записанного, рассказал еще, очень сбивчиво, об Илье Муромце и Соловье–разбойнике, которого Илья расшиб «шляпой коломенской». При передаче старик очень увлекался, менял голос в диалоге, жестикулировал. Например, показывал, как дрожали руки у князя Владимира, когда Илья Муромец привез Соловья: «Князь Владимир вышел, руки дрожат: “Что мне с им, не нать!”. Кокорин знал еще несколько таких сбивчивых рассказов про Илью и других богатырей.

Из былин, записанных Григорьевым, удалось записать только «Козаряна», которого сказитель тоже забыл и путал. Когда стал вспоминать и передавать слова брата и сестры в момент узнавания — заплакал. Вторую былину про Илью и станичников отказался сообщить: «Не спеть. Книжки уж нет. Да и слепой еще». Кокорин был грамотным и, как свидетельствует побывальщина об Илье Муромце, видимо, читал былины в лубочном изложении. Старика глубоко растрогали воспоминания о героической старине, и он усиленно звал приходить еще.

———

201

ПРО ИЛЬЮ

Илья Муромец до сорока годов сидел. Пришло к ему два странника. Он один дома–то, во двори–то: отец с братом на новину ушол, копают полё. Один говорит: «Попросим пить». — «А ну–ка, говорят, встань, Илёйка, встань!». Он стал да и пошол. Он принёс им. Они попробовали и дали ему. Он всю чашку ту выпил. Учул в себе, что ядрён стал. Пошол по полу, половицы и стали пригибатьця. Один и говорит: «Земля не понесё». А другой: «Как не понесё?». Дали ещé полчашки выпить. Выпил он, ядрён стал. Вот и пошли эти прохожаеве *(небесная сила это приходила).* Он и думает: «Дай–ка я принесу отцу и брату хлеба». В коробок наклал хлеба да и идёт. Отец и говорит брату: «Илейка, говорит, иде». — «Я хлебцев принёс, поешьте да отдохните, а я пойду, не могу ли, говорит, сóсну или куст что подеять».

В той поры они ели и отдыхали, а он с корнем вырвал и всё в реку бросил. Пошол и говорит: «Пойдемте домой, я почистил немного». Взглянули: ни одной сосны, ни одного куста нет. «Что же ты, говорят, всю реку загрузил?».

Нищие ему сказали: «Станешь себе коничка прибирать в лугах, выбирай, который в нýды». (А у их были богатырские доспехи, были сёдла, была палица). Пошол с отцом имать коничка, выбирать в лугах. Там ведь они живут всё лето, кони–та всё равно, как дикие. Он подошол к коничку, который в нуды, схватил за гриву, уздечку наложил и привёл к реке. Так, попробовать:

«Бывать не понесёт меня». Коня в воды выкупал. Домой привёл в стойла. Сена надовал — коничька кормить стал. Коня выкупал, опять отвёл в стойла, надовал сена, и все сутки постоял. Опять выкупал — всё нýда и вышла. Богатырский конь стал. Наложил все богатырские доспехи, одежды и поехал в чистое поле проезживать коничка и наехал на Лукопета–богатыря. Илья Муромец кинул попробовать палицу на него. Он плечьми пошевелил: «Ох, как русские мухи кусают!». И второй раз тоже. Он и узнал, что наехал на богатыря. И говорит: «Будь брат мне». И поехали вместях. Доехали — две доски краем стоят, а тут два обруча железных. Илья и говорит:

«Ле́г, Лукопет, попробуй обручи». Лёг он, обручи напреглись, и пошла у него лишь пена. — «Ах, брат, говорит, лизни эту пену. У тебя силы мало, тут сильней будешь». Тот лизнул и вовсе сильный стал. А ему от рук человеческих смерть не была. Добрая смерть положена.

567

202

ПРО КАЗАРИНА

Подымалися татара войной с калмыками,
Полонили татара три города,
Подхватили татара душу́ красную де́вицу,
И доставалася красная девица трём татаринам,
5 Доставалась большому татарину красная девица по же́ребью.
— «И поедем мы с тобой, красная девица, по путе и по дороге».
И ехали они, их застигла тёмная ночь,
— «Станем мы, красная девица, тнмную ночь делить,
А тайной грех творить».
10 Она тут осмелилась:
«Прежде ты был лучше отца–матери,
Теперь стал хуже трёх татар».
— «Конй земли́, красная девица, коеhо́ отца–матери?».
— «Земли, говорит, Кретской,

567

15 По роду по племени сестрица родна́».
— «Ты прости–тко, прости, ро́дная сестрица, в первой вине».
Тут брат с сестрой съехались, поплакали.

(Ду́ вот — забыл. Она знает, что брат, а он–то забыл).

568